

Palaeoslavica

*International Journal for the Study of Slavic Medieval
Literature, History, Language and Ethnology*

SUPPLEMENTUM 1 - 2003

Editor:

ALEXANDER B. STRAKHOV

The Davis Center for Russian Studies, Harvard University

Editorial Board:

SIMON FRANKLIN — *Clare College, University of Cambridge*

FELIX J. OINAS — *Indiana University*

HANS ROTHE — *Universität Bonn*

IHOR ŠEVČENKO — *Harvard University*

OLEG N. TRUBAČEV — *Russian Academy of Sciences*

Manuscripts, correspondence and subscriptions should be sent to:

PALAEOSLAVICA

P.O.Box 380863

Cambridge, MA 02238-0863

U.S.A

FAX: +781.289.0301

ISSN — 1070-5465

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.	1-4
Имманентный подход (1). Язычество или христианство? (2) Основа народной духовной культуры (2). Роль западных параллелей (3). Против течений (3). Полевой материал (3). Сокращения (4). Чудеса рождественской ночи (4).	
Глава I. Чудесное цветение и плодоношение растений рождественской и иной приуроченности.	5-39
Расцветший жезл (5). Терновник, розмарин, яблоня, хмель (6). <i>Legenda Aurea</i> , etc. (6). Орешник и верба (7). «Формулы невозможного» (7). Роза в колядках и вне их (9). Время свадеб (12). Свв. Барбара, Люция и расцветшая ветвь (12). Самая длинная ночь в году (13). Глаза, свет и свечи (Люция и Сретенье) (13). Лицеизрение ведьм (16). Магический сбор дров и костер св. Люции (16). Св. Андрей и расцветшая ветвь (19). Парадоксы календаря (19). Святые «невесты Христовы» (20). «Сады Адониса» в христианстве (21). Зерно и воскресение мертвых (23). Солярный миф христианства (25). «Взыграние» Иоанна и «игры солнца» (28). Цветение папоротника (30). Преодоленное бесплодие (33). Открывающиеся клады (35). «Цветение» и «сушка» сокровищ (36).	
Глава II. Превращение воды в вино.	40-75
Наказания за неверие и профанацию (41). Претворение вина в кровь (42). Святочные хождения по воду (42). «Вино» и «виноград» в колядках и свадебных песнях (43). Христос-«жених» и гадания о женихе (45). Смотрение сквозь хомут (46). Лошадь как духовидица и наследница Валаамовой ослицы (47). Образ «утоления жажды» в гаданиях и в письменности (49). «Живая вода» крещения (52). Соленая пища в гаданиях (53). Разувание жениха невестой (54). Скотоводческая метафорика в народных обрядах (58). «Виноградья» (62). «Агнец Божий» и обрядовая жертва (63). Вода пасхальная, вознесенская, etc. (65). Пища земли обетованной (67). Христос = зерно (70). Страстная пятница: пахота, сев, траур (71). Человек = зерно (73). «Хлеб животный» (74).	
Глава III. Рождение Христа в хлеву.	76-131
Коленопреклонение скота (76). Наказания любопытных (78). Разговоры скота (79). Пророчества о смерти хозяина (79). Сакральная выделенность осла (81). Понимание речи животных (82). Вол и осел — свидетели рождения Иисуса (85). Праздничное кормление скота (87). Жалобы скота (88). Эмансипация животных (90). Пощение животных (91). Вторичность продуцирующей функции кормления (92). Рождественские льготы (94). Ритуальная роль свинины и свиньи (95). Вол и лошадь (осел) в легендах о Христе (98). Козел (коза) как заместитель осла? (101) Животное-«полазник» (104). Нога вступающего в дом (105). <i>К(о)рачун, полаз</i> и <i>adventus</i> (106). <i>Усень</i> и <i>осанна</i> (109). Гадания о приплоде и урожае по звездам (110). Пастух в святочных обрядах (111). Слав. *гајь (115). Христос-пастух (116). Античный миф и богородичная легенда (117). Социальное лицо пастуха (119). «Мирбоженье» (121). «Агнец» и дети (121). Воли в похоронном обряде (122). Словесные обереги от волков (125). Святочный образ волка (126). Немного о «культе предков» (130).	
Глава IV. Символика и магия плодородия: солома и фруктовое дерево.	132-190
Рождественские сено и солома в память о рождении в хлеву (132). Обвязывание деревьев соломой (135). Трясение деревьев (137). Обвязывание деревьев руками, измазан-	

ными в тесте (137). Остаток, способный к регенерации «целого» (139). Закваска и идея непрерывности воспроизводства (140). Запреты на заем и продажу (142). Обращение со святочным и иным мусором (144). Обращение с навозом (146). Святочные зола и остатки трапезы (148). Нищенские крошки (150). Угрозы фруктовым деревьям и притча о смоковнице (151). Обрядовый диалог (156). Рождественское полено (157). «Всеплодие» христианства и бесплодие дьявола (158). «Разрешение уз» (158). Борьба с «неплодием» (161). Пеленание «бадняка» (162). Ритуальное обертывание рук (163). Трепетание осины и ее бесплодие (164). Древо Жизни и Древо Смерти (166). Плодовитость дерева и женщины (169). Яблоня, яблоко в обрядах и магии (169). Обрядовые деревья (172). Символика топора (173). Народные обряды церковного и книжного происхождения (174). Имитации обстановки вифлеемского хлева (177). Рождественская молотьба (180). Остаток как символ незавершенности (181). Обращение с соломой и сеном (183). Обычай рожать на соломе и/или в хлеву (185). Смерть на соломе (188). Смерть как рождение (188).

Глава V. Родильная обрядность в составе рождественской. 191-227

Богородичные легенды этиологического характера (191). Демократичность образа Богородицы (192). Богородица и родовспоможение (194). Св. Анна (197). «Яблочный Спас» и параллели (197). Собор Пресвятой Богородицы, *Бабы каши*, 26 декабря (198). Повитуха Саломия (201). Происхождение мотива отрубленных и возвращенных рук повитухи (203). Обрядовое разбивание сосуда (205). Запреты в день св. Игнатия (206). Святочные запреты на прядение и шитье (207). Немецкие карающие святочные персонажи (208). Нарушение запретов влияет на потомство (211). Святочная «остановка колес» (212). Символика колеса (213). Запреты беременным (символика пуповины) (216). Символика узла, прядения, витья, etc. по отношению к родам (217). Символика отмыкания, развязывания, открывания (218). «Подражание» Богородице (221). Обычаи и запреты послеродового периода (222). Маргинальный статус новородившей (222). Смерть в родах (225). Визиты умершей матери (225).

Глава VI. «Между небом и землей». 228-241

Вихрь — демоническая свадьба (228). Вихрь — пляска дочери Иродиады (229). *Юда* и *Иуда* (230). Танцевальное бешенство Иродиады (231). Этимология слав. *běsiti (se), *běsъ (232). Женская «блудная» пляска (232). Танцы ведьм (233). Преследование Иродиады (234). Воздушная локализация мира небытия (235). Воздушные массы и утопленники (237). Нечистая смерть, нечистый покойник и метеорология (238). Церковный и народный взгляды на утопленников (239). Неприкаянные великие грешники (241).

Глава VII. «Некрещеное», «нечистое», «скромное» время святок. 242-310

Слово ⁺kołęda — профессионализм священнослужителей (242). К вопросу о колядках (245). Некрещеный младенец Иисус (247). «Некрещеная» атмосфера святок (248). Некрещеный младенец: запреты, рекомендации, опасения (249). Безымянность некрещеного (250). Крестильная рубашка (250). Семилетний срок и возраст (251). Маргинальный статус некоторых покойников и маргинальные локусы (253). Наречение имени (255). Повитуха в церковных обрядах (256). Сроки крещения младенцев (257). Свет и огонь как обереги и как святочные атрибуты (260). Некрещеный младенец как иноверец (261). Адвент и злые духи (265). Полдень и полночь в верованиях (266). Двойственное отношение к рыжеволосым (267). Рыжий Иуда (268). Первый новогодний визитер в Англии (269). Эволюция образов «царей»-«волхвов» (270). День рождения Иуды (271). Дети, рожденные под или на Рождество (272). Обратни и эпилептики (273). Дети, зачатые в пост (275). Праздник Благовещения: идеи начала и плодородия (278). Среда и пятница (282). Греческие святочные демоны и *Повесть о Вар-*

лааме и Иоасафе (284). Пост и скоромничество (287). «Кривые» дни и недели (294). Место *Русальной недели* в календаре (296). Особое время заговен и разговлений (299). Примеры сакрализации маргинального времени (301). Христианский канун (305). Воскресные запреты (306). Пение петуха и опасности рождественской ночи (308).

Глава VIII. О святочном и ином освобождении душ умерших. 311-346

Отмыкание дверей ада в фольклоре (311). Отверзание небес и рая (314). Рождественское возвращение умерших (315). Гадания о смерти (316). Средневековая литература о времени отдыха грешников от мук (317). Пасхальное возвращение мертвых (319). Субботнее освобождение душ (320). Дни Всех Святых и Всех Душ у католиков (322). Баня, печь и очаг — орудия и места согревания душ умерших (325). Печь — аналог «пекла» (329). Печь в магии (331). Обычай *греть родителей/покойников* (331). Холод иного мира (333). Локализация ада на севере (334). Уголь в английских захоронениях и завещаниях (337). Запад (= ад)/восток (= рай) (338). Баня как «нечистое» место (341). «Предки», печь и очаг (343). Ц.-слав. *гретн* и *грѣтн* (344). Покойники и черти (344).

Библиографические сокращения. 347-380

Предисловие

Я задумался — и одинок остался... *К.К.Случевский*

Это сочинение, в основном, адресуется славистам, а конкретнее: специалистам по духовной культуре восточных славян, хотя в нем довольно много места отведено западноевропейскому этнологическому материалу. Для работ такого рода это не совсем обычно, исключения редки. Д.К.Зеленин (1916, 014-015) пытался в свое время как-то рационально обосновать отказ от западных аналогий: “Хотя на западе Европы народные обряды и поверья *изучены* вообще лучше, чем у нас, но зато там *сохранились* они много хуже, сильно затемнены вековыми культурными наслоениями, весьма пестрыми”.¹ С первой половиной этого тезиса было совсем нетрудно согласиться, хотя бы потому, что полки любой представительной библиотеки и страницы любой толково составленной библиографии немедленно являли вопиющую разницу в «изученности». Для принятия же второго суждения (как и для его высказывания) нужно было слишком хорошо знать западный материал, ибо отрицать наличие какого-либо явления в этнологии очень большого региона значит брать на себя очень большую ответственность. Зеленин почему-то эту ответственность на себя взял. И ему поверили с благодарностью и с тем большей охотой, что этот тезис удобно ограничивал поле поиска и приложения научных сил и соответствовал всегда популярным среди славистов научным и вненаучным представлениям о месте и роли славян в современной цивилизации, т.е. о выдающейся «архаике» их культуры (преимущественно, славянолюбь) или о ее выдающейся же «отсталости» (преимущественно, славянофобы).

Д.К.Зеленин высказался на пороге больших перемен. Несколько лет спустя лингво-футуристическое теоретизирование перенесло центр тяжести передового исследования на синхронию. Это совпало с новыми веяниями в собственно этнологии. В результате методы познания этнологии островов в Индийском или Тихом океанах и синхронное описание какого-нибудь малоизвестного кавказского языка стали образцами для изоляционистских славянских штудий (например, в области народной культуры Карпат). Потом были «заморозки», «оттепели», «приливы любви и отливы», но в общем во 2-ой половине XX в. имманентный подход восторжествовал. Предельным достижением исследовательской щедрости и широты при анализе фольклорно-этнографического славянского материала стало соотнесение восточнославянских данных с материалом южно- и западнославянским. Узость поля исследования компенсировалась невероятным его «углублением», над обрядами колдовали и медитировали как над стихами немногих любимых поэтов, описывали «синтаксис» и «парадигматику» обряда, составляли его «грамматику», вот только до «фонетики» руки не дошли; что же касается обрядовой «семантики», то она изучалась усерднее всего, и, понятно, почти всегда оказывалась «глубинной». Временами изыски имманентного подхода к славянским обрядам и верованиям у

---

¹ Курсив принадлежит Зеленину. В других случаях курсив в цитатах мой.

славистов разнообразились вводом экзотических параллелей из древних развитых письменных культур Междуречья, Малой Азии, Ирана и Индии, к слову сказать, совершенно чуждых славянам (как и другим европейским варварам). Привлечение к сравнению некоторых параллелей этого рода иногда может иметь оправдание с точки зрения языкового родства и теории праязыка, но часто ли исследователи славянской духовной культуры имеют дело с такой седой древностью? По романтической традиции, зримо тянущейся с начала славяноведения, принято думать, что часто. С XIX в. нас вполне убедили в том, что “стоит снять с языческих обрядов наложенные, тонким слоем, христианские краски, чтобы обнаружались черты древних языческих верований” (Максимов 1994, 221). Полно, так ли? Я не отрицаю наличия дохристианских элементов в народной культуре, но общая картина представляется мне совсем иной, во многом, противоположной той примитивной схеме, которая предполагалась беллетристом С.В.Максимовым и его современниками и которая пользуется популярностью доныне — прежде всего в силу своей примитивности. На мой взгляд, под «языческой» внешностью обряда или верования часто скрывается вполне христианская основа.

Народная духовная культура — гораздо более новый и несравненно более сложный, чем принято думать, феномен, носящий на себе следы многовековой непрерывающейся эволюции, отправляющейся, в основном, от христианского культурного пласта. Известное единство или, выражаясь более робко, *похожесть* разноэтнических вариантов крестьянской европейской духовной культуры объясняется не общими глотто-этническими (индоевропейскими) ее корнями и истоками, а христианством, привнесенным в социально подобную среду. Да, это привнесенное христианство не было христианством Фомы Аквинского и Абеляра, ни даже христианством митрополита Климента Смолятича, поминавшего Аристотеля и Гомера. В своей основе это было христианство сельских пастырей, черпавших эрудицию из служб, из Писания, из бесчисленных сборников «вопросов и ответов», из «видений», «хожений», житийных чудес и других доступных источников, но и этого должно было хватать и хватало с избытком. Право, нужно обладать недюжинной способностью к самообольщению, чтобы решить, что народ остался глух к тому, что как минимум тысячу лет он слышал и видел в церкви, что обсуждалось, перевиралось, пере- и присочинялось деревенскими грамотеями и неграмотными фантазерами, захожими правдо- и богоискателями, паломниками, бродячими ремесленниками, нищими и монахами. Пусть это были бледноватые копии и сильно искаженные аллюзии и вариации, но своим происхождением они были обязаны таким увлекательным, поражающим воображение образам поэзии и образцам морали, с какими не могли конкурировать ни бедное подлинное язычество, ни та возмутительная отсебятина, которую в течение двухсот лет мифологи и фольклористы нам выдают за реконструированное мифологическое наследие европейских варваров. Подобно любой другой европейской культуре славянская народная духовная культура — для современного исследователя — действительно «затемнена вековыми культурными наслоениями», под которыми следует подразумевать прежде и помимо всего традицию двухвекового учено-романтического ее понимания (или непонимания). Отметим, что познанию духовной культуры восточных

славян сильно мешает еще и недостаток источников — квалифицированно собранных и прилично изданных фольклорно-этнографических материалов. Составленные второпях «мифологические» словари и энциклопедии — характерная примета науки конца XX-начала XXI вв. — не могут возместить их отсутствие.

Западный материал привлекается здесь не только как реализовавшееся соответствие (или источник), но и как лишь возможная, потенциальная параллель. Порою при сравнении вместо фиксации точечных соответствий типа изоглосс кажется предпочтительней (и полезней) угадать и выделить элементы общей мировоззренческой атмосферы, эволюционные звенья общей цепи, прерывисто обнимающей далеко отстоящие части европейско-христианского мира. «Прерывисто» — потому, что трудно ожидать дублирования и параллельного сосуществования всех звеньев в католической и православной народных культурах, и тем более — обязательной реализации их в локальных вариантах этих культур. Впрочем, столь же трудно требовать от исследования такого массива исчерпывающей полноты и равномерности в обозрении материала.

Подозреваю, что большинство моих толкований обрядов и верований будет шокировать современную славянскую этнологию (она же — «этнолингвистика», «лингвокультурология» и проч.) с ее «культуrom предков», «духами-опекунами», териоморфными божествами, жречеством, кровавыми жертвоприношениями, оргиями и эротикой, подсказанными разнузданным кабинетным воображением, с ее языческими пантеонами, этими плодами монашеской учености и романтизма, и мифами, плодами романтизма научного, с ее крайне сомнительными, а часто просто чудовищными этимологиями, а главное — с ее всеобъясняющим карикатурным метаязыком, смешавшим термины и концепции мифологической школы начала-середины XIX в. с чуть менее устаревшими завоеваниями фрейдизма, бахтинизма, структурализма, etc.

Но тут уж я ничего не могу поделать.

В работе обильно используются неопубликованные записи фольклорно-этнологического характера, сделанные, по преимуществу в Белорусском и Украинском Полесье в 1974-1988 гг. Я сердечно признателен моим товарищам по экспедициям: Р.А.Агеевой, Э.Г.Азимову, Т.И.Бендзь, С.П.Бушкевич, Н.А.Волочаевой, И.А.Морозову, М.И.Серебряной, Е.А.Соловьевой, Е.Л.Чекановой, в разное время предоставившим в мое распоряжение свои материалы. Эти записи, как правило, черновые, использующие весьма простую транскрипцию на основе русского буквоупотребления (буква г изображает [γ]), прошли мою первичную редакцию. Редакция не предполагает внесение в тексты каких-то выдумок. Тем не менее я принимаю и несу полную меру ответственности за вводимые мною в научный оборот материалы. Несколько записей было в свое время скопировано мною в Полесском архиве Института славяноведения и балканистики АН СССР (ныне: Институт славяноведения РАН), — в соответствии с привилегией, предоставляемой участникам Полесских экспедиций, в пользовании общей Картотекой.

Календарные обозначения (кроме специально оговоренных) приводятся по старому стилю. Государственное и административное деление и обозначение единиц деления обычно следуют источникам и поновляются только в редких случаях —

для ясности. Никаких политико-эмоциональных сверхзадач в использовании того или иного географического названия я перед собой не ставил и не советую это делать за меня моим читателям. Косая черта (/) в адресных отсылках порою отделяет малую административную или географическую единицу от большей: Fiß/Oberinntal/Tirol. Передача названий этих единиц — русская или на языке оригинала — может варьироваться, подчиняясь удобству изложения.

Используемые сокращения в названиях географических объектов и административных единиц: б. — *бывший* (уезд и т.д.), воев. — *воеводство*, вол. — *волость*, г. — *город*, губ. — *губерния*, д. — *деревня*, деп. — *департамент*, о. — *остров*, обл. — *область*, оз. — *озеро*, окр. — *округ*, п. — *поселок*, пов. — *повет*, прих. — *приход*, пров. — *провинция*, р. — *район* (в постпозиции к названию) или *река* (в препозиции), с. — *село*, сл. — *слобода*, у. — *уезд*; Bez. — *Bezirk*, ст. — *county*, Кр. — *Kreis*, Кт. — *Kanton*, pow. — *powet*. Сокращение ркп. значит 'рукопись, рукописный'.

*

*   *

Весь святочный отрезок обрядового времени и в немалой степени вся обрядность с конца ноября до середины января определены одним ежегодно повторяющимся событием, — рождением младенца Иисуса.

В рождественскую ночь происходят удивительные вещи. В полночь под Рождество открывается небо (Чехия — Grohmann 1864, 44 № 279), отверзаются небесные врата, и с высоты на землю сходит сам Сын Божий, открывается рай (Великороссия — Ермолов I, 597), звучат колокола затонувших и ушедших в землю церквей, солнце совершает на небе два прыжка (Нижний Рейн — Montanus 1854, 12; Henne-Am Rhyn 1879, 35). В рождественскую полночь водяные мельницы перестают молотить зерно (Widdig/Bonn — Dietz 1965, 79 № 316). В рождественскую ночь солнце изменяло свой ход и дважды подпрыгивало от радости, по мнению швабов Ротенбурга (Meier 1852, 462 № 206). Впрочем, в Тироле (Etschland) полагали, что солнце совершает эти прыжки днем на Рождество (Zingerle 1871, 198 № 1611), а в Сомерсете (Ilminster) танцы солнца и звезд приурочивали к Рождеству и Пасхе (Tongue 1965, 140). По верованиям немцев Восточной Чехии, во время полночной рождественской мессы клады стоят открытые, можно спасти проклятые души, вода превращается в вино, животные разговаривают и, будучи подслушаны, предрекают судьбу домашним (Adlergebirge — Langer 1904, 257) и т. д.

Без учета этих чудес и этих верований понять атмосферу Рождества и святок весьма затруднительно, и посвященные святкам сочинения этнографов и фольклористов, игнорирующие эти верования и чудеса (а таких разноязыких сочинений — подавляющее большинство), бьют мимо цели. Анализом нескольких чудесных рождественских мотивов мы и начнем наше исследование.